
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 13:008:50

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР НАТУРФИЛОСОФИИ Н.Н. СТРАХОВА

Е. А. Антонов

*Белгородский
государственный
университет*

Статья посвящена раскрытию антропоцентрического характера натурфилософии Н.Н. Стрхова. В ней излагаются основные положения его натурфилософской концепции, в частности, утверждается, что человек высший этап развития природы и центр мироздания. Подвергается критике механистическое понимание человека и мира и утилитаризм, а также дана характеристика органической картине мира.

Ключевые слова: натурфилософия, человек, антропоцентризм, рациональная антропология, органическая картина мира.

В своих работах Стрхов неоднократно обращался к обсуждению мировоззренческих и методологических проблем естествознания. Он был одним из немногих философов своего времени, которые пытались осмыслить естественные науки с диалектических позиций. Оценить человека с позиций прежде всего естествознания – такова рационалистическое решение проблемы человека в философии Стрхова.

Стрхов выделяет три аспекта рассмотрения человека: 1) естественно-исторического, 2) социально-исторического и 3) духовного. Прежде всего человек рассматривается им в естественноисторическом отношении, в аспекте «человек – мир» (но не Бог). Иначе говоря, человек вписан в парадигму науки второй половины XIX века, когда широкое распространение получили новые достижения в области естествознания. В иерархии природных систем по степени сложности их организации особая роль отводится человеку как высшей цели эволюции Вселенной. От этой внешней предопределенности человека мыслитель обращается к внутренним смыслам, скрытым за ней. Тем самым делается переход от природы к общественной жизни человека.

Из четырех видов антропоцентризма – онтологического, гносеологического, аксиологического и философско-исторического – основное внимание Стрхов уделит онтологическому антропоцентризму. Большую роль в этом сыграло его естественнонаучное образование и выход в процессе обобщения научных данных на философию природы. Так, согласно принципиальному положению классической метафизики и естествознания в иерархическом порядке природы человеку принадлежит высшее место. Эту мысль Стрхов доводит до логического конца. Он был убежден в том, что иерархически увенчивая природу, будучи ее живым центром, человек раскрывает загадку мира, его тайну и принцип развития.

1. Антропоцентризм как высший принцип страховской натурфилософии

Страхов разработал рациональную антропологию, учение о месте человека в природе. Он считал, что «явлений настоящего, *чистого круговорота* в жизни не бывает, точного, неизменного повторения жизнь не терпит, она есть непрерывное обновление. Поэтому понимание жизни только как круговорота – в высшей степени ошибочно»¹. Изменение организма рассматривалось им как принадлежность к самой сущности жизни. Рассматривая суть организмов, Страхов дает им следующее определение: «Итак, организмы должны быть понимаемы, как предметы существенно *временные*, то есть не как тела, но, скорее, как процессы. Притом они суть процессы изменяющиеся, и, по тому самому, они ограничены во времени, имеют начало и конец». И далее он отмечает, что «организмы не только ограничены в пространстве, но имеют и другое совершенство, т.е. ограничены и во времени; зачатие и смерть – вот пределы, между которыми заключается жизнь»².

Принцип центрирования пронизывает всю натурфилософию Страхова. Большое внимание он уделял проблеме центрации применительно к органам организма. «Органы тела, – писал он, – не одинаковы по своему достоинству: одни более важны, другие менее; одни главные, другие подчиненные. Для органов растительной жизни центром служит сердце; растительная жизнь в животных вполне подчинена животной жизни; центр животной жизни, и потому всего тела, составляет нервная система; центр же самой нервной системы есть мозг»³.

Такого же рода центрация характерна и для рассмотрения человеческого организма: «Точно так и между периодами жизни есть разница в значении. Период утробной жизни весь состоит из низших явлений, из развития чисто растительного и животного. После рождения постепенно берут верх человеческие проявления; период мужества есть настоящий центр жизни, и притом центр во всех отношениях, – и в животном, и в растительном, и даже в чисто материальном»⁴. И далее он утверждает, что «главная черта организмов состоит в том, что каждый организм имеет *эпоху зрелости*, зрелый возраст. Эту эпоху можно назвать центром жизни во времени, центральной частью жизни, точно так как в пространстве центральной частью животного мы называем нервную систему»⁵. Человек, как высший организм, утверждал русский философ, представляет высший образец жизненного развития, у него эпоха зрелости обнаруживается ясно и определенно.

Страхов ставил проблему структурного видения мира, согласно которой «мир есть целое». Развивая эту мысль, он подчеркивал, что «мир есть *стройное целое*, или, как говорят, – гармоническое, органическое целое. То есть части и явления мира не просто связаны, а *соподчинены*, представляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений. Мир, как организм, имеет части менее важные и более важные, низшие и высшие; и отношение между этими частями таково, что они представляют гармонию, *служат* одни для других, образуют одно целое, в котором нет ничего ни лишнего, ни бесполезного»⁶.

При построении натурфилософской картины мира Страхов использует такие фундаментальные категории как единство, целостность мира, которые не только не исключают различий, степеней и ценностей, но, напротив, предполагают иерархию. Здесь у него возникает идейное созвучие не только с Шеллингом, но в определенной мере и с Гегелем, который отстаивал идею целостности в духе своего панлогизма.

¹ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 164.

² Там же. – С. 165, 166.

³ Там же. – С. 168.

⁴ Там же. – С. 168–169.

⁵ Там же. – С. 172.

⁶ Там же. – С. 67.

Эта иерархическая картина не только природы, но и мира завершается у Страхова антропоцентризмом, включающим мысль о центральном значении человека в мировом бытии. Подводя итоги своего рассуждения, он делает следующий вывод: «Мир есть целое, имеющее центр, именно, он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление и главный орган мира»⁷.

Такой взгляд на человека был не совсем обычным во времена Страхова. И он вынужден был сожалеть о том, что «редко кто хочет признать *центральное* положение человека. Натуралисты, материалисты, позитивисты – едва ли даже не самые ярые противники мысли о главенстве человека в мире ... они полагают центр в другом месте, в необходимых силах вещества, в других мирах, в других областях природы, – во всяком случае, в чем-то более глубоком, далеком, таинственном и необъятном, а не в столь известной и довольно жалкой вещи, как человек»⁸. Не только литературные противники Страхова, но и некоторые его друзья не воспринимали такой антропоцентризм, поскольку он шел в разрез с их внутренними убеждениями. Так, Н.Я. Данилевский называл Страхова «человекопоклонником», о чем философ сообщал в одном из своих писем Л.Н. Толстому. И причина этого вполне понятна, если учесть, что Н.Я. Данилевский находился на позициях теоцентризма, придерживался религиозного мировоззрения в православном варианте. Что же касается Страхова, то его антропоцентрическое мировоззрение предполагало объединение, хотя и весьма отдаленное религиозного и научного мировоззрений в рамках пантеизма.

При выработке своего видения человека Страхов опирался на работы предшественников. В этом плане представляют интерес рассуждения о центре, демонстрируемые таким видным представителем ренессансной философии как Н. Кузанский, для которого ум есть измерительная способность постижения всех вещей. «Центр мира, – писал он, – не более внутри Земли, чем вне ее, и, больше того, центра нет ни у нашей Земли, ни у какой-либо сферы. Ведь поскольку центр есть точка, равно удаленная от окружности, а не может быть настолько совершенного круга или сферы, чтобы нельзя было представить более истинного, то ясно, что нет такого центра, чтобы не могло быть еще истиннее и точнее. Точной равноудаленности от разных мест вне Бога не найти, потому что только он один есть бесконечное равенство. Кто центр мира, то есть Бог благословенный, тот и центр Земли, всех сфер и всего в мире; он же одновременно – бесконечная окружность всего»⁹. Здесь довольно точно и обстоятельно выражена точка зрения представителя теоцентризма. Он жил в эпоху Возрождения, но продолжал оставаться в рассматриваемой области на позициях теоцентрического мировоззрения.

Одна из попыток рассмотрения человека как центра мира в Новое время содержится в философии Шеллинга. В связи с этим Страхов отмечал, что Шеллинг «хотелось бы доказать, что человек есть единственное богоподобное существо, центр мира; а для того, чтобы возможен был центр, он хочет указать на окружность. Шеллинг стремится найти пределы мира, стремится так или иначе ограничить его. Поэтому он перетолковал по-своему наблюдения астрономов; ему показалось, что они в звездах нашли что-то непохожее на наш солнечный мир, и он указывает на это новое, как на признак того, что астрономы приблизились к пределам мира вообще»¹⁰. Вопреки Шеллингу с его идеей человека как богоподобного существа и центра мира, Страхов утверждал, что звездная астрономия доказала однообразие мира и на этой

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 69.

⁹ Кузанский Н. Об ученом незнании / Соч.: В 2-х т. – М., 1979. – Т. 2. – С. 131-132.

¹⁰ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 228.

основе делает вывод, что «величие целого мироздания отражается в Земле, что в ней вполне выразилась сущность мира»¹¹. Таким образом, новая космология стала прочной естественнонаучной основой антропоцентрической философии.

Человек и человеческая жизнь рассматривались Страховым как высший этап развития жизни. Поэтому, по его мнению, вопрос о человеке не может быть отнесен ни к какой определенной науке – зоологической, анатомической, палеонтологической или какой другой. Этот вопрос «принадлежит к сфере более широкой и более общей, чем сфера каждой из естественных наук», поэтому он «не может быть выражен терминами этих наук и разрешен их методами»¹². Страхов считал, что естествознание, будучи основанием для рассмотрения человека, не было для него единственной основой. Другой основой он считал историю и другие социально-гуманитарные науки.

Русского мыслителя не устраивал образ человека, созданный естественными науками, согласно которому природа человека определяется его естественными влечениями. В связи с этим он выступал против арифметического или механистически упрощенного понимания человека, против установившегося мнения, что человек есть животное плюс разум. Считая его неверным, Страхов утверждал, что человеческое, как и органическое развитие, отличается от развития механического. Однако он не переходит при рассмотрении человека на позиции религии и мистики, разграничивая веру и научное знание и оставаясь на позициях «перегородочной философии», для которой наука и ее «непреложные истины» стоят вне религии.

Рассмотрение человека осуществляется мыслителем в двух ракурсах. Во-первых, в антропологическом, включающем в себя все то, что тесно связано с естественными предпосылками становления и развития человека и имеет естественнонаучное, биологическое значение. Отсюда исследования человека базируются на строго естественнонаучной основе, хотя и не сводятся к ней, поскольку сюда добавляется социально-исторический аспект. Во-вторых, в метафизическом, который нацелен прежде всего на изучение духовного в человеке, его души, нравственности, эстетичности. В русле этих двух взаимосвязанных аспектов выделяются внешние, природные, а также социально-исторические условия и внутренние, духовные факторы формирования и развития человека.

Мысль о том, что человек является центром и мерой вселенной, во всем ее прошлом, настоящем и будущем, многосторонне раскрывается Страховым. Человек, по его мнению, «представляет собою какой-то центр, к которому сходятся все лучи мироздания, все влияния, какие только есть в мире»¹³. И далее: «Итак, если человек есть центр всех влияний, то только потому, что он сам, самодеятельно, самобытно стремится стать в центре мира; если человек все переносит, то только потому, что может все обнять, стать выше всего, что думает покорить его. Такова особенная сущность человека»¹⁴. Человек есть такое место открытости и концентрированности, в которое все вовлекается и в котором все осуществляется.

Излагая свою антропоцентрическую концепцию Страхов порою применяет математическую терминологию, например «центр», «окружность» и т.д. При выяснении вопроса о центре человечества он использует органические аналогии. Как видно, философ подходит к определению антропоцентризма в качестве мировоззрения, с одной стороны, данного в реальности, в природном и человеческом мире, но с другой, рационально, математически, используя геометрические фигуры. Математическое и органическое здесь выступают в качестве модели реализации исследовательского предпринятия.

Не только в начале своей творческой деятельности, но и в конце ее Страхов снова обращается к проблеме центризма человека в мироздании и обсуждает ее не

¹¹ Там же. – С. 229.

¹² Там же. – С. 297, 298.

¹³ Там же. – С. 198.

¹⁴ Там же. – С. 200.

только с позиций естественных наук, но и наук социально-гуманитарных. Высказывая свое несогласие с Э. Ренаном, считавшим антропоцентрический взгляд заблуждением, Страхов писал: «Если человек, положим даже, и не центр мира, то, во всяком случае, он так связан с центром, что может из него смотреть на мироздание; следовательно, он не только выше всех земных созданий, но может подыматься до высот каких бы то ни было существ, представленных нашим воображением. Совершенная нелепость думать, что значение человека, может быть, равняется значению «плесени и лишая», заволашующихся везде, где есть сырость»¹⁵.

Для антропоцентризма свойственен телеологизм, который довольно подробно рассматривается Страховым применительно к эволюции природы и ее высшего проявления – человека. Выводя человека из естественной эволюции природы, Страхов соглашается с Дарвиным, что человек есть «*отборнейшее* существо природы»¹⁶. При этом подчеркивается, что «он не есть просто вершина животного царства, верхний камень в пирамиде, но что в нем заключается цель и стремление всего этого царства, которое не имело бы смысла без этого последнего и главного члена, все равно как лестница без храма, в который она ведет»¹⁷. По мнению Страхова, человек, будучи вершиной в пирамиде природы, где высшее развивается из низшего, включает в себя низшее, содержит в себе «все то, что есть в животном», поэтому «объяснить человека – значит объяснить высшее явление природы; ... Низшее и может и непременно должно быть объясняемо высшим, а никак не наоборот»¹⁸. Отсюда следует, что человек, будучи высшим организмом, представляет собой высший образец жизненного развития.

Довольно много внимания Страхов уделял выявлению соотношения между человеком и животными. По его мнению, у них одинаковое внешнее и внутреннее строение, одинаково протекают физиологические процессы; у них одни и те же врожденные потребности, например, в пище, половая потребность и т.д.; они обладают психической деятельностью. Однако строение конечностей, большой объем мозга, прямую походку мыслитель справедливо относит к биологическим отличиям человека. Вопреки мнению многих современных ему натуралистов Страхов считал, что человек по своей сущности – особое, не биологическое существо. Гордое мнение человека о самом себе, высокомерие его по отношению к камням, растениям и ближайшим сородникам-обезьянам является неопровержимым и очевидным фактом. Это связано с тем, что «человек имеет полное право противопоставлять себя природе, потому что он может сделать такое противоположение, имеет силу и способность к нему»¹⁹. Для него и с телесной точки зрения человек есть наиболее развитое существо. В нем есть только необходимое телесное основание и он наиболее совершенен в этом отношении. Все это означает, по мнению Страхова, что человек неотделим китайской стеной от остальной природы. Для него «не только животность не противоречит духовности, но даже что для духа необходима самая высшая степень животности»²⁰. Эта идея Страхова об укорененности в биологии человека таких его самых тонких особенностей как духовного и свободного существа получила подтверждение в современной науке.

В то же время философ писал, что «для нас ясно, что человек есть совершенно особое существо в природе, имеет зачатки свойств, коренным образом расходящихся с животностью, и, следовательно, его происхождение каково бы оно ни было, есть величайшее чудо, такой скачок, такой переворот, которому равного и подобного не представляет вся остальная история земной природы. Уловить всю особенность, всю инди-

¹⁵ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1898. – Книжка третья. – С. 14.

¹⁶ Там же. – С. 309.

¹⁷ Там же. – С. 90.

¹⁸ Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865. – С. IX.

¹⁹ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 89.

²⁰ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 89.

видуальность этого переворота, – вот настоящая, правильная задача»²¹. Таким образом, отличие человека от животного состоит, во-первых, в том, что, принадлежа к органическому миру, человек способен к саморазвитию; во-вторых, отличительной особенностью человеческого существа является то, что у него нет раз и навсегда заданной природы.

2. Космизм и акосмизм натурфилософских размышлений Страхова

Сегодня особое значение приобретает изучение философских взглядов пионеров космонавтики и мировоззренческих предпосылок идеи освоения космоса. При осмыслении проблем космизма важно обратить внимание на «предвосхищающую критику» Страхова, который за несколько десятилетий до появления произведений большинства таких теоретиков этого направления, как А.В. Сухово-Кобылин, Н.Ф. Федоров, Г. Гансвидт, К.Э. Циолковский и др., выявил существенные черты мировоззрения, получившего позднее название «космизм», и дал им обстоятельную характеристику²². В ходе этой критики русский философ пришел к мысли о логической взаимосвязи двух вопросов – о жителях планет и множестве миров. Он обнаружил, что в основе существующих гипотез о «жителях планет» лежит представление о мироздании как сфере свободных комбинаций атомов в бесконечном однородном пространстве и времени.

В работе «Мир как целое» Страхов писал: «Животному нет дела до звезд, человеку же до всего есть дело. Целое мироздание устремляет на него свои лучи, и вот он летит мыслью к Сириусу, разбирает Млечный Путь, следует за движением звезд. Как сильно действуют они на него! Прошли времена астрологии, когда звезды управляли человеческой жизнью, но, очевидно, и теперь он не вышел из-под их влияния. Не из-за них ли проводятся без сна ночи, пишутся тома, производятся глубокие вычисления? Неотразимый, обаятельный интерес внушают к себе звезды, и невольно покоряется ему человек»²³.

Вслед за Гегелем Страхов в своей работе «Мир как целое» стремится раскрыть несостоятельность атомистов от древности до современности. При этом он выступает не против естественнонаучной гипотезы, а подвергает критике атомистику как натурфилософскую теорию. Последняя, декларируя свой опытный характер, тем не менее именно опыту и противоречит. Она «свои неизменные частицы принуждена сделать невидимыми, несязаемыми, недостижимыми никаким способом», а «пустая игра атомов – простое их передвижение – не представляет никакой возможности вполне исчерпать даже самое простое явление»²⁴. Он отвергает идею атомов как первичных «кирпичиков», из которых построено вещество. Его правоту ученые доказали спустя четверть века, показав возможность естественного распада атомов и выяснив их сложную структуру.

Страхов считал, что атомистический взгляд на природу уже не соответствует современному уровню развития науки. «Мы видим ясно, – писал он, – что атомы суть создания нашего воображения; они удаляют нас от прямого факта, от очевидного явления и останавливают нас там, где именно мы хотели бы идти дальше. Атомистика есть взгляд идеальный, атомы суть создания нашего мышления. И в то же время этот взгляд не удовлетворительный, объяснение, ничего не объясняющее, так что является настоятельная потребность перейти к другому взгляду»²⁵. Такого рода критика предшествовала возникновению революции в физике и естествознании на рубеже XIX–XX веков. Характеризуя эту позицию русского мыслителя, Р.К. Баландин пишет: «Опровергает

²¹ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1897. – Книжка вторая. – С. 268.

²² Более подробно об этом см.: Гаврюшин Н.К. Критика космизма Н.Н. Страховым // Из истории авиации и космонавтики. – 1976. – Вып. 30. – С. 46–54.

²³ Там же. – С. 197.

²⁴ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 356.

²⁵ Там же. – С. 356.

Страхов идею атомов как первичных «кирпичиков», из которых построено вещество. В этом он был прав (кстати, подобную точку зрения высказывал Д.И. Менделеев). Четверть века спустя ученые доказали возможность естественного распада атомов, затем выяснили их структуру. Чем глубже мысль ученых проникает в недра элементарных частиц, тем больше возникает проблем, проявляется принципиальная неопределенность выводов»²⁶. Таким образом, задолго до революционных открытий в физике конца XIX века Страхов делает вывод о том, что если атом существует, то он должен быть активен как монада и сложным как клетка.

Не удовлетворяясь господствовавшими в его время положениями об однородности мироздания и его атомистической основе, Страхов заявлял, что «воображая бесчисленное множество планет, населенных людьми, мы разрываем мир в пространстве на бесчисленные отдельности, воображая бесконечное повторение циклов жизни, мы разрываем время на бесконечное число частей, не имеющих одна для другой никакого значения»²⁷. При этом теряют смысл и космические путешествия, поскольку «если на планетах то же самое, что на земле, – нам и не любопытно и не нужно знакомиться с ними. У них есть Сократ и Платон, но у нас они тоже есть; у них есть геометрия и музыка, но мы точно так же занимаемся и геометрией и музыкой. Повторяются ли эти явления бесконечно или существуют только в одном месте, – для нас все равно, к сущности жизни от этого ничего не прибавится»²⁸. Дальнейшее обоснование этой мысли происходит при анализе целого ряда научных и натурфилософских идей, которые вошли позднее в мировоззрение пионеров космонавтики.

Необходимость освоения космического пространства в связи с возможным ростом населения земли, на которую указывал еще В.Ф. Одоевский, а позднее К.Э. Циолковский, представляется Страхову сомнительной. По его мнению, человеческое общество есть саморегулирующаяся система. При достижении численности в три-четыре миллиарда, число рождающихся и умирающих уравнивается. Не менее сомнительными являются и проекты сообщений обитателям планет о наличии на земле разумной жизни. Представления о жителях планет тесно связаны с легендами о «золотом веке» и утопическими мечтами: «Человек недоволен жизнью, он носит в себе мучительные идеалы, до которых никогда не достигает, и потому ему нужна вера в *нравственное* разнообразие мира, в бытие существ более совершенных, чем он сам ... Человек расположен верить, что сущность его нравственной жизни может проявиться в несравненно лучших формах, чем она является на земле. Вот где заключается главный корень нашего желания населить планеты»²⁹. Страхов считает, что рассуждения об обитателях иных миров в принципе бесплодны и только отвлекают нас от решения насущных земных проблем: «К чему рассуждать о существах, о которых мы не можем иметь точных сведений, с которыми не можем войти ни в какие сношения и от которых ни в каком случае нам не может быть ни тепло, ни холодно? Не лучше ли обратить все внимание на наши обстоятельства здесь на земле, о которых мы и без того часто рассуждаем мало и плохо?»³⁰.

Поскольку представления о «жителях планет» исторически и логически тесно связаны с критикой антропоцентризма, являвшегося основным принципом его философии, то Страхов обращается к анализу оснований этой критики. Он видит их, во-первых, в метафизической интерпретации астрономических открытий: «Человек должен вообразить себе, что он окружен бесчисленными мириадами миров, простирающимися в бесконечность, где живут, мыслят и действуют существа бесконечно разнообразные, которых совершенство может несравненно превышать всякое человеческое совершенство. Вот что открыла астрономия, вот ее величайшее благодеяние»³¹;

²⁶ Баландин Р.К. Самые знаменитые философы России. – М., 2001. – С. 215.

²⁷ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 266.

²⁸ Там же. – С. 267.

²⁹ Там же. – С. 230.

³⁰ Там же. – С. 208-209.

³¹ Там же. – С. 214.

во-вторых, он усматривает их в стремлении «унизить человека», которое принадлежит уже с давнего времени к самым распространенным человеческим стремлениям. Основная ошибка критиков антропоцентризма, как считает Страхов, заключается в том, что «величину земли они измеряют бесконечностью пространства, время нашей жизни – бесконечностью вечности. Точно так же число наших чувств они сравнивают с числом чувств Микромегаса, наши путешествия с его прогулкой по Млечному Пути ... Нашу силу мы сравниваем с *силою вообще* и говорим: как слаб человек! Нашу любовь, действительное чувство, мы сравниваем с *любовью вообще* и говорим: как ничтожна человеческая любовь! Очевидно, при этом мы завидуем совершенно воображаемым предметам»³².

На основе сравнительного анализа соотношения человека и других живых существ, Страхов приходит к выводу, что поскольку «мыслить создание природы, которое было бы выше человека, невозможно», то «невозможно предполагать, чтобы на других планетах жизнь проявилась совершеннее или даже иначе, чем на планете, где высшее существо есть человек»³³. Отсюда делался вывод, что если мир представляет собой единое целое, а количество целесообразно, устойчиво и жизненные формы ограничены, то разумные существа на других планетах будут сходны с человеком. Страхов исходит из того, что если ничего кроме человека нет более высокого, то и само исследование других планет не так интересно, как изучение человека, являющегося высшим творением природы. Он считал, что предполагать иные, лучшие или высшие существа есть дело трудное и даже невозможное.

Опираясь на данные конкретных наук, прежде всего астрономии, Страхов показывает, что весь ход развития науки ведет к доказательству единства, целостности мира. «Планеты для нас уже не от века отдельные, особо существующие тела; мы знаем теперь, – отмечает он, – что они выделились из *одной* общей массы, некогда бывшей на месте нашей Солнечной системы». И далее он отмечает, что «виды животных и растений, которые некогда считались за абсолютно особые формы, – как признано теперь благодаря Дарвину, – постепенно развивались одни из других. Таким образом, *цельность* мира, несмотря на его разнообразие, доказывается все яснее и яснее»³⁴. Проблема единства мироздания решается Страховым в эволюционистском ключе.

Страхов считал, что вообще напрасно воображать бесконечный ряд существ выше человека, напротив, надо попытаться понять человека как органический предел, «который совмещает и сосредоточивает в себе весь смысл, все содержание того, чему он служит пределом»³⁵. Поняв это, мы уразумеем и то, что космос явлен весь в каждой своей части, «что величие целого мироздания отражается в Земле, что в ней вполне выразилась сущность мира»³⁶.

В таком случае, по мнению Страхова, должна принципиально измениться установка нашего мышления и нашей деятельности: «Вместо того чтобы путешествовать на планеты, вникнем внимательно в жизнь других людей, – мы откроем в ней новые миры, – богатые еще неведомой для нас красотой и силой. Точно так же, вместо того чтобы мечтать о далеких грядущих веках, мы должны благоговейно смотреть на доступное нам будущее»³⁷. Особенно остро звучит это положение в начале XXI столетия, когда явственно обнаружились глобальные нравственные и экологические последствия той неразумной деятельности человека, которая связана с нигилистическим отношением человека к природе.

В своих работах Страхов критикует утилитаристский подход к науке и утилитарные установки в исследовании природных явлений. Особую озабоченность у него

³² Там же. – С. 256, 257.

³³ Там же. – С. 260.

³⁴ Там же. – С. 431.

³⁵ Там же. – С. 308.

³⁶ Там же. – С. 229.

³⁷ Там же. – С. 269.

вызывает стремление навязывать природе внешние цели. «Нам представляется цель, – пишет он, – обыкновенно в виде какой-то меты, стоящей впереди предмета, так что он может достигнуть ее разными путями и может быть подвинут к ней постороннею силою. Между тем, правильное сказать, что цели вложены в самые предметы, заключены внутри сил и явлений мира, и потому могут быть достигаемы только раскрытием внутренней природы самих вещей»³⁸. Можно говорить о специфике его взглядов на эту проблему в отличие от господствовавших в то время представлений. Так, например, Д.И. Писарева писал: «В области нравственной философии взгляды наши почти противоположны. Г. Лавров требует идеала и цели жизни вне ее процесса; я вижу в жизни только процесс и устраняю цель и идеал»³⁹. Здесь видно отличие Страхова как от Д.И. Писарева, так и П.Л. Лаврова, которые играли большую роль в духовной жизни России того времени.

Страхов глубоко убежден, что с природой нельзя обращаться как с внешней косной материей и использовать ее в качестве средства для привносимых извне целей, поскольку она уже есть цель-в-себе. Природа, по его мнению, должна быть понята как самостоятельная, развивающаяся на разных этапах к высшим формам жизни, требующая признания своего самодовлеющего значения.

Основой утилитарного подхода к природе является механистическое мировоззрение, базирующееся на анализе. «Мир – пишет Страхов, – есть прекрасная гармоническая сфера; изучая его, натуралисты нашли, что он, как будто в оболочке, заключен в пространстве и времени; они сняли эту оболочку и отбросили ее, как пустую шелуху. Точно так же они потом снимают и отбрасывают слой за слоем, воображая, что таким образом могут добраться до глубокого таинственного зерна. По окончании работы – что же оказывается? Зерна нигде нет, и весь мир разрушен в безобразные обломки»⁴⁰. Такое концептуальное разрушение гармонии мироздания предшествует экологическому кризису, приводящего к подрыву человеческого бытия.

К этой же категории относятся представления о бесконечной иерархии форм разумной жизни и о бесконечном совершенствовании человека, столь важные для космизма. Страхов не может согласиться с тем, что человек – это случайность или даже ошибка природы, находящаяся на одном уровне с лишаями и плесенью. Его взглядам на природу, особенно на органический мир и человека, присуща телеологичность. В связи с этим он выступал против учения Дарвина и его последователей, согласно которому целесообразность в природе есть продукт случайного равновесия борющихся сил. Он верит в высшую идейную целесообразность всего устройства и развития мира. Эта идея антропоцентризма получает развитие в «антропном принципе» (Б. Картер), обосновываемом сегодня с помощью астрофизики. Известные физики П. Дирак, А. Эддингтон и другие отмечают, что мировые константы как будто специально «подобраны» так, чтобы во Вселенной могли возникнуть условия, необходимые для существования живых организмов и человека. В свое время Страхов использовал данные современного ему естествознания для доказательства этого положения. В его высказывании, что человек есть «предел, к которому стремится органическая природа вообще, или животная в частности»⁴¹ выражается «сильный» вариант антропного принципа, смысл которого дается при переходе от естествознания к философии. И сегодня, выйдя из недр естествознания, антропный принцип оказывается на стыке трех областей – естествознания, философии и религии.

Для пантеистически-антропологического мировоззрения Страхова было характерно положение о том, что мы сможем понять Вселенную тогда, когда поймем самих себя. «Не даром высший организм, человек, – отмечает философ, – назывался микро-

³⁸ Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. – СПб., 1894. – С. 226.

³⁹ Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. – Л., 1949. – С. 89.

⁴⁰ Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007. – С. 391.

⁴¹ Там же. – С. 306.

космос, малым космосом, отражающим в себе весь остальной космос. Человек есть не только настоящее тело, но вместе с тем и настоящий дух, «связь и средоточие миров»⁴². Такой подход Страхова к проблеме космического освоения послужил основанием для некоторых современных исследователей отнести его к ранним противникам русского космизма. Однако на основании изложенного можно сказать, что при понимании этого феномена как реализации космической установки мышления, Страхов может быть отнесен к его ранним представителям.

Как справедливо пишет Л.Р. Авдеева, «Страхов же стоит у истоков русской экологической мысли и «русского космизма», оказывая влияние на Федорова, Вернадского, Циолковского, других философов и ученых, для которых человек, Земля и Вселенная находились в неразрывной взаимосвязи»⁴³. Действительно, проблемы, обсуждаемые Страховым, нашли своеобразное разрешение в философии русского космизма. Так, по мнению К.Э. Циолковского, миссия человека в том, чтобы стать «садовником космогенеза» или, по В.И. Вернадскому, человек должен стать сотрудником космоса. Сегодня идея коэволюции человека и мира, природы становится важнейшей тенденцией в отечественной философии науки.

Страховская манера философствования не была обычной даже для переходной эпохи. Его акосмичный космизм был таким опережающим философствованием, который четко ставил вопросы для будущих исследователей. И в этом смысле его неоднозначная трактовка антропоцентризма весьма важна для нашего времени, становясь необычайно актуальной и созвучной современным антропологическим исканиям.

Значение здоровой гуманистической составляющей антропоцентризма начинает осознаваться и в наше время. Научам, очистившимся от всякого антропоцентризма (космология, астрология, физика), потребовался антропный принцип. Он понадобился космологии, как отмечает Г.М. Идлис, «в качестве необходимого дополнения характерному для нее полному устранению всякого эгоцентризма»⁴⁴. Эгоизм и своемерие остаются и после устранения антропоцентризма в реальной жизни, что обусловлено не только мировоззренческими, но и социокультурными особенностями развития человеческого общества.

В связи с осмыслением науки и ее претензий на безграничное влияние Страхов отмечал, что она может быть поколеблена в своих основах и ниспровергнута именем прогресса, который стал кумиром современности. Подчиняясь ему, «люди перестают признавать постоянство и неизменность чего бы то ни было и думают, что все можно переделать и усовершенствовать»⁴⁵. Критически анализируя в этом плане работы К. Бернара, Страхов отмечает, что мечты этого ученого о населении Земли новыми видами растений и животных и о продлении человеческой жизни несбыточны, поскольку они основаны на утопическом предположении, что у организмов могут возникнуть совершенно новые задатки, а развитие их может быть направлено в любую сторону. Предостерегая от увлечения идеями безграничной трансформации живого, мыслитель утверждал, что эволюцию органического мира можно мыслить не как его преобразование (стихийное или основанное на вмешательстве человека), а как периодическое повторение существующего, как круговращение вещества при сохранении неизменной формы. «Польза, добро для организма, – считал Страхов, – может состоять только в одном, в наилучшем осуществлении его типа; вред и зло есть все то, что останавливает или уничтожает типическое развитие»⁴⁶. Если преступить границу совершенствования организма, то будет нанесен непоправимый ущерб организму, среде его обитания, хозяйству и самой человеческой жизни.

⁴² Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. – СПб., 1894. – С. 216.

⁴³ Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов (Философская культурология второй половины XIX века). – М., 1992. – С. 138.

⁴⁴ Идлис Г.М. Революция в астрономии, физике и космологии. – М., 1985. – С. 59.

⁴⁵ Страхов Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). – СПб., 1887. – С. 10.

⁴⁶ Страхов Н. Об основных понятиях психологии. – СПб., 1894. – С. 205-206.

В силу своей натуры Страхов не мог быть воодушевлен утопиями грядущего всеобщего благополучия, основанного на идее преобразования природы. «Но почему же, – возмущался он, – можно думать, что вас непременно послушается земледелие? Вы ведь и им вертите в ваших мечтах как попало. Вы вообразили, что оно совершенно в вашей власти, что стоит *вздумать* – и оно процветет, а если не процветает, так оттого, что это не *вздумано*»⁴⁷. Вслед за Ф. Бэконом он не устает повторять, что «*природа побеждается только тогда, когда мы ей повинемся*: это не только красивая антитеза, но и точная истина»⁴⁸. Рассматривая вопрос о господстве человека над природой, Страхов писал: «Таким образом, наше могущество в отношении к организмам чрезвычайно велико: но, как и во всех случаях нашего действия в внешнем мире, результаты действия не суть нечто произвольное, зависят не от нас, а от природы тех предметов, на которые мы действуем. Все, что нам покажет опыт, мы можем воспроизвести всегда, когда пожелаем; но мы не можем исполнить ни малейшего нашего желания, если опыт не даст нам такого результата. В этом смысле, победа над природой есть ни что иное, как точное следование по ее путям»⁴⁹.

Иерархическая натурфилософская картина мира «у Страхова завершается антропоцентризмом, включающем мысль о центральном значении человека в мировом бытии»⁵⁰. Антропоцентрический принцип, в явной форме сформулированный в контексте философии природы, вышел далеко за пределы этого раздела философии, находя свое применение в других философских дисциплинах – гносеологии, философии истории, философской публицистике и т.д. Реализация этого принципа выражалась в формулировке целей и задач познания в соответствии с данными об историческом изменении природы человека.

Уделяя значительное внимание философскому осмыслению развивающегося естествознания, Страхов считал, что польза от философии для естественных наук состоит в разъяснении понятий и выявлении их смысла. С этих позиций он осмысливал основные понятия психологии и физиологии, атомистическую теорию, рассматривал основные представления о жизни и анализировал ряд научных и натурфилософских идей, позднее вошедших в арсенал философии русского космизма. Его критические размышления над проблемой «человек – космос» – образец продуктивной опережающей и предупреждающей критики. Для космического мышления Страхова характерно отношение к вере человека в то, что он является центром мира, не как к заблуждению, а как научно доказываемому положению. При этом философ опирался на современную ему космологию и естественные науки.

Таким образом, можно вполне определенно утверждать, что Страхов придерживался антропоцентрического созерцательного рационализма, являющегося переходом от религии к естествознанию. Именно созерцательного, а не активистского рационализма, присущего западноевропейской культуре, который ищет разума в природе и устанавливает его в обществе. Разрабатывая проблему антропоцентризма, мыслитель стремится к созданию такой органической картины мира, которая была бы основана на достижениях современного ему естествознания. Фактически он был одним из пионеров философии науки в России, ставивший «несвоевременные» вопросы, далеко опережавшие уровень их осознания как в философии, так и науке.

Список литературы

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов (Философская культурология второй половины XIX века). – М., 1992.
2. Баландин Р.К. Самые знаменитые философы России. – М., 2001.

⁴⁷ Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. – СПб., 1890. – С. 99.

⁴⁸ Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. – СПб., 1894. – С. 198.

⁴⁹ Там же. – С. 204.

⁵⁰ Ходанович М.А. Влияние философии Шеллинга на мировоззрение почвенников А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова // Философия Шеллинга в России XIX века. – СПб., 1998. – С. 465.

3. Гаврюшин Н.К. Критика космизма Н.Н. Страховым // Из истории авиации и космонавтики. – 1976. – Вып.30.
4. Идлис Г.М. Революция в астрономии, физике и космологии. – М., 1985.
5. Кузанский Н. Об ученом незнании / Соч.: В 2-х т. – М., 1979. – Т.2.
6. Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. – СПб., 1865.
7. Страхов Н. О вечных истинах (Мой спор о спиритизме). – СПб., 1887.
8. Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. – Л., 1949.
9. Страхов Н. Из истории литературного нигилизма. 1861-1865. – СПб., 1890.
10. Страхов Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. – СПб., 1894.
11. Страхов Н. Об основных понятиях психологии. – СПб., 1894.
12. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1897. – Книжка вторая.
13. Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Киев, 1898. – Книжка третья.
14. Страхов Н.Н. Мир как целое. – М., 2007.
15. Ходанович М.А. Влияние философии Шеллинга на мировоззрение почвенников А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова // Философия Шеллинга в России XIX века. – СПб., 1998.

ANTHROPOCENTRIC CHARACTER OF N.N. STRAKHOV'S NATURAL PHILOSOPHY

E. A. Antonov

*Belgorod State
University*

*e-mail:
antonov@bsu.edu.ru*

The article contributes to the anthropocentric character of N.N.Strakhov's natural philosophy. It states the basic foundations of the natural-philosophical conception of the philosopher, and, particularly, it claims the human being to be the supreme stage of natural development and the centre of the universe. Mechanistic understanding of the human being and utilitarianism is put under criticism. The article also characterizes the organic world view.

Key words: natural philosophy, human being, anthropocentrism, rational anthropology, organic world view.